

Бай Шаньхэ

КОГДА ПОГАСНУТ
ВСЕ ОГНИ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б18

Иллюстрация на обложку *Zialron*

Внутренние иллюстрации *JuBu*

Бай, Шаньхэ.

Б18 Когда погаснут все огни / Бай Шаньхэ. — Москва :
Эксмо, 2026. — 384 с.

ISBN 978-5-04-239607-6

Порой в небе вспыхивает видимая лишь избранным багровая звезда, которую называют Оком Бездны. Мир Четырех Пределов замирает на опасной грани, ибо каждый ее восход может знаменовать возвращение демонов. Те, кто не видит зловещих знамений, заняты интригами и борьбой за власть. Они еще не знают о том, что опрометчивый поступок неизвестного заклинателя уже запустил роковую цепь событий, способную обрушить привычный порядок вещей; что бессмертный кукловод уже готовится играть чужими судьбами.

Юному принцу Шэнли предстоит узнать, как тесно его судьба переплетена с судьбой мира. Но сначала ему нужно выжить в жестокой борьбе за трон.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-239607-6

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Великий Цикл, иначе называемый Великим Колесом, был приведен в движение Небесным Императором в начале всего сущего и поддерживается Госпожой Черного Жемчуга и Драконом Белого Нефрита.

Вечным и неуклонным движением Великого Колеса определяется развитие мира и всего, что в нем есть. Оно творит и отнимает жизни, создает и низвергает царства, пишет судьбы людей, небожителей, Многоликих и демонов. Те, кто живет с ним в гармонии, возносятся выше. Кто отягощается грехами — становятся все более низменными. Вращение Великого Колеса распределяет все на должные места сообразно внутренней природе.

Однако есть у него и темная сторона. Со временем оно становится все более уязвимым. Порой его ось запутывает энергии мира, выводя их из равновесия. Тогда на небе вспыхивает видимая лишь избранным багровая звезда, которую называют Оком Бездны. Под ее светом искажаются Завесы, разделяющие Четыре Предела: мир небожителей, населенный живыми Срединный Мир, Земли Духов и Бездну, где вечно ярятся ждущие своего часа демоны. В это время растет вероятность дурного

исхода любого события, а цепочки случайных совпадений приводят к трагедиям. Мир замирает на опасной грани, ибо каждый восход Ока Бездны может знаменовать возвращение демонов из-за Врат Бездны и наступление Шестой Эпохи — времени зла и величайших бедствий, времени горя, жестокости и безжалостности.

Тысячи лет назад первый восход Ока Бездны стал знаком конца Яшмовой Ганьдэ, первой и величайшей державы людей. Ценой великих жертв мир удалось удержать на грани, но мрачным наследием той поры стали бессмертные — отвергнутые Небесами живые мертвецы, снедаемые вечной болью и голодом.

Места и названия

Яшмовая Ганьдэ — первая империя людей, существовавшая в Четвертую Эпоху, золотой век. Погибла две тысячи лет назад во времена первого восхода Ока Бездны. Ее упадок и гибель считаются мрачайшим периодом в истории Срединного Мира.

Цзиньянь — крупнейшее и самое могущественное в настоящее время государство Срединных Земель, выросшее из крохотного княжества. Знак — золотой сокол на лазурном поле. Правящая династия — Тянь. Столица — Гуанлин.

Данцзе — государство — соперник Цзиньяня. Гордится своей древней историей, но в настоящее время ослабело и переживает упадок. Знак — белый лотос. Правящая династия — Жун. Столица — Шэньфэн.

Милян — небольшое независимое государство, граничащее с Цзиньянем и Данцзе.

Когда погаснут все огни

Западный Юй — принятое в Срединных Землях наименование Великой Степи, населенной кочевыми народами.

Земли Духов — один из планов бытия, призрачный мир, в котором находят отражение события, происходящие в Срединном Мире. Пристанище призраков и неупокоенных душ, которые покинули мир плоти, но не сумели найти путь к Великому Колесу. В Землях Духов расположены Врата Бездны.

Небесный град — план бытия, населенный небожителями.

Бездна — план бытия, населенный демонами. Во время катастрофы, постигшей Срединный Мир в конце Четвертой Эпохи, были воздвигнуты Врата Бездны, за которые ценой огромных потерь удалось изгнать не только демонов, порожденных преступлениями и искажениями Срединного Мира, но и тех бессмертных, что окончательно погрязли в пороках.

Пять Дворов Бессмертных — тайное объединение, в которое входят бессмертные, которые осознали свое падение и пытаются найти путь к окончательной смерти и упокоению.

Персонажи

Цзиньянь

Тянь Чжэнши — *правлящий император*

Моу Синьюэ — *его супруга, императрица*

Янь Чжучжэн — *любимая наложница императора*

Принц Шэньгун — *старший принц, сын императора Чжэнши и императрицы Синьюэ*

Принц Шэнли — младший принц, сын императора
Чжэнши и наложницы Чжучжэн

Принцесса Шучун — супруга принца Шэньгуна

Янь Жунсинь — племянник наложницы Чжучжэн,
двоюродный брат принца Шэнли

Хао Вэньян — молочный брат принца Шэнли, его
телохранитель и доверенное лицо

Наставник Ли — воспитатель принца Шэнли

Со Мэйсю — знатная дама, приближенная налож-
ницы Чжучжэн

Со Ливей — племянник дамы Со, приближенный
принца Шэнли

Хэ Минь — наложница и возлюбленная Хао Вэньяня

Юн Ичэн — советник императора, сторонник прин-
ца Шэнли

Юн Лифэн — племянница советника Юна, невеста
Хао Вэньяня

Фэн Иньчжи — дворцовый заклинатель

Данцзе

Жун Сянсин — правитель Данцзе

Ши Кунлян — его друг, советник, фактически вто-
рое лицо в Данцзе

Линь Яолян — генерал Данцзе, по мнению многих,
самый талантливый полководец Срединных Земель

Нин Инъюй — начальник ставки Линя Яоляна, его
друг

Дин Гуанчжи — заклинающий

Вне государств

Байхэ — глава Пяти Дворов, старейший из ныне су-
ществующих бессмертных

Когда погаснут все огни

Чжу Юйсан — бессмертный, приставленный к принцу Шэнли в качестве телохранителя

Хао Сюаньшэн — бессмертный, в прошлом величайший полководец Цзиньяня, казненный во время смуты пятьсот лет назад

Небесная принцесса Линлинь — небожительница, в прошлом принцесса Цзиньяня

Сяохуамей — Многоликая, лисица-оборотень

ПРОЛОГ

День догорал над холмами. Горячий воздух был неподвижен, от раскалившейся за день земли поднимался жар. Все краски стали блеклыми, приглушенными. Даже закат казался неярким. Как будто все выцвело под беспощадным солнцем.

Лето в Милине часто бывало жарким, но нынешняя жара казалась совершенно невыносимой. Безжалостный зной выжег землю до звона. Проходя по деревням, Дин Гуанчжи не раз слышал тревожные разговоры о засухе. А где засуха — там и неурожай. Где неурожай — там и голод. А что может быть для крестьянина страшнее? Именно поэтому полнились встревоженным народом храмы богов. Люди не скупилась на молитвы и подношения, у алтарей клубами вился синеватый дым благовонных курений... только вот он не спешил обратиться в тучи, несущие спасительный дождь.

Дин Гуанчжи отер лоб рукавом и отмерил из фляги два небольших глотка степлившейся воды. Солнце уже опустилось за холмы, но за день так прокалило окрестности, что вечер не приносил ни облегчения, ни прохла-

Когда погаснут все огни

ды. По-прежнему даже слабый ветерок не тревожил плотный горячий воздух. На Милинь опускалась еще одна безысходно жаркая ночь.

Обширная, чуть всхолмленная равнина замерла в мертвом молчании. Ни единого звука. Никакого признака движения, кроме одиноко бредущей человеческой фигуры. Не знай Дин Гуанчжи, что до ближайшей деревни всего около половины дня пути, с легкостью мог бы вообразить, что он оказался где-то посреди сухих земель Западного Юй, о которых рассказывали порой торговцы, имеющие дело с варварами из народа лай¹.

Дин Гуанчжи догадывался, почему эта обширная местность пребывает в таком запустении. Слишком неблагоприятной для жизни она была. Течение потоков здесь оказалось затруднено, и это не несло ничего хорошего. Чтобы польститься на это место, нужно быть или сущеглупым дураком, или доведенным до полного отчаяния изгнанником, или же безмерным гордецом, самонадеянно пренебрегающим законами благополучия.

Жу Яньхэ, государь Великой Цюнцзе², не слыл ни дураком, ни изгнанником. Возможно, он был не лишен зерна безумия. Но вот в чем сходились все древние хроники и предания, так это в том, что он был гордецом, не терпящим ничьего мнения, если оно не совпадало с его собственным. Он настолько привык бороться с врагами и самой судьбой, что приказал построить себе гробницу в бесплодных холмах Милиня, поскольку вопреки всем считал это место счастливым для себя.

¹ **Народ лай** — полукочевой народ, обитающий в степях на западе от Срединных Земель.

² **Великая Цюнцзе** — государство, существовавшее в Срединных Землях более тысячи лет назад.

Именно здесь он одержал самую великую из своих побед, создав Великую Цюнцзе, и первым из правителей Срединных Земель провозгласил себя наследником канувшей в легенды Яшмовой Ганьдэ¹.

Только вот триумф созданной им державы был недолгим. Не прошло и четверти века после его смерти, как Великую Цюнцзе разорвали междоусобицы, а с севера хлынули полчища хошу², которых вели Меняющие Облик³. Срединная Земля утонула в череде кровопролитий, величественная гробница первого, кто осмелился назвать себя императором, после падения Яшмовой Ганьдэ была заброшена, а сам Жу Яньхэ остался лишь в трудах ученых книжников как жестокий победоносный государь да в народных сказаниях как самонадеянный самодур и гордец, чье дело обернулось пылью на ветру сразу после его смерти.

О могилах великих людей и правителей испокон веков ходит много легенд. Усыпальница Жу Яньхэ не стала исключением. Только вот предания повествовали не о сокровищах вроде золота, серебра, жемчуга или нефрита. Смутно говорилось в них, что великое сокровище, скрытое в гробнице, — это некий талисман, хранивший удачу самого Жу Яньхэ и всего государства Цюнцзе. Это не противоречило и словам хроник о том, что древний правитель, умирая, приказал положить

¹ **Яшмовая Ганьдэ** — древнейшее из государств людей. Его гибель в результате череды бедствий ознаменовала наступление Пятой Эпохи.

² **Хошу** — племена кочевников, издавна нападавших на Срединные Земли.

³ **Меняющие Облик**, они же Многоликие, — обычное для Срединных Земель название лис-оборотней.

Когда погаснут все огни

с собой в могилу то, что он считал величайшим своим сокровищем. Пристало ли государю поступать столь себялюбиво, лишая державу и своего преемника чудесного талисмана? Однако Жу Яньхэ был не только безмерно горделив, но и крайне эгоистичен.

Учитель Дина Гуанчжи считал, что эти легенды и скупые упоминания в хрониках о некоем великом сокровище, с которым Жу Яньхэ не пожелал расстаться даже после смерти, правдивы. Много лет он потратил на сбор по крупицам всего, что было известно, пытаясь среди нанесенной веками шелухи домыслов разыскать зерна истины.

Дин Гуанчжи не знал, что именно заставило учителя счесть долгие исследования законченными и побудило отправиться на поиски гробницы. В те месяцы Дин Гуанчжи отбывал наказание за памфлет, который сочли возмутительным. Когда он смог вернуться, его ждали лишь записки, подготовленные учителем на случай, если сам он не вернется. Едва ли наставник рассчитывал, что Дин Гуанчжи успеет ему на помощь. Он лишь оставил завет — если талисман государя, в котором сосредоточена удача, обнаружится в гробнице Жу Яньхэ, его следует использовать на благо Данцзе. Учитель был не из тех, кто готов смириться с угасанием родной страны, которую вот-вот раздавит могущественный Цзиньянь. Он не желал, чтобы Данцзе разделила судьбу Великой Цюнцзе, оставшись лишь на страницах ветхих хроник.

Путь в Милинь был долгим и трудным. Однако сейчас он заканчивался — здесь, среди выжженных зноем бесплодных холмов, где недобро клубились водоворотами потоки застоявшихся энергий.

Здесь словно был еще кто-то, кроме него. Кто-то чуждый, следящий с холодной недоброжелательностью. Дину Гуанчжи стало не по себе. Он *прислушался* — так, как могут слушать окружающий мир очень немногие люди.

Никого. Должно быть, само это место не любило чужаков. Тем не менее Дина Гуанчжи в который уже раз за время пути охватили сомнения. В последних записках наставника, доставленных в тайник духом-гонцом, говорилось о том, что вход в гробницу заметен песком и мусором, зарос кустарником до полной неразличимости. Но что, если гробница Жу Яньхэ давно разграблена, а наставника постигла смерть от укуса ядовитого насекомого, истощения или от недоброго духа, поселившегося в оскверненном мавзолее?

Ученику не пристало сомневаться в своем учителе, а потому Дину Гуанчжи всякий раз становилось стыдно за такие мысли. Дух, способный навредить наставнику, должен был бы отравить своей аурой округу по меньшей мере на целый ли¹ — но ничего подобного не ощущалось. А ядовитое насекомое или змея? Да полно, не так много на свете тварей, яд которых способен серьезно навредить учителю...

«Нет, — в который раз повторил себе Дин Гуанчжи. — Наставника погубило нечто иное — или истощение сил, или, вероятно, то, что затаилось внутри гробницы и способно себя скрывать».

Он снова глотнул из фляги. Если наставник встретил противника, с которым не смог совладать, то что сумеет простой ученик, еще не достигший таких высот

¹ Ли — мера длины, около 500 м.

Когда погаснут все огни

в искусстве сокрытого? Однако преступить через наказ и отречься от поисков означало предать и учителя, и Данцзе. И предать из низкого страха за собственную жизнь.

Даже с записками, оставленными учителем, поиск входа в гробницу оказался непростым делом. Он совершенно терялся среди поросших жухлой травой и чахлым кустарником камней, а сам погребальный курган ничем не отличался от обычных холмов. Пыль, грязь, сухие ветки, остатки чудом не обратившихся в прах листьев — все говорило о том, что сюда никто не входил уже очень давно.

Должно быть, каменные блоки, из которых сложили портал гробницы, некогда покрывали письма или орнаменты. Однако время, ветры, дожди и песок сгладили их, и разобрать, надпись перед ним или узор, Дин Гуанчжи не сумел. Быть может, при свете дня резьба выглядела бы отчетливее, чем в сгущающихся сумерках.

К своему удивлению, Дин Гуанчжи не обнаружил ни остатков ворот, ни каменной плиты, которая закрывала бы ведущий внутрь холма ход. Как будто усыпальница и вовсе не была заперта. Ловушка? Или просто коридор-преддверие, ведущий к истинному входу?

Записки учителя обрывались на описании этого места. Дин Гуанчжи остановился в нерешительности. Он прошел весь долгий путь, следуя указаниям наставника, но далее ни помощи, ни подсказки ждать было неоткуда.

Ему стало жутко от того, что он вот-вот собирался свершить: потревожить покой усыпальницы древнего владыки. Ночью, подобно вору, пробраться внутрь в поисках того, чем Жу Яньхэ дорожил превыше всего на свете. Легенды так и не могли сойтись на том, что же

именно было талисманом — меч или печать из красной яшмы. Однако и из легенд, и из хроник следовало, что император не расставался с этими предметами. И оба они были погребены вместе с ним. Никто из последующих государей и рвущихся к власти честолюбивых генералов не называл себя владельцем этих вещей. Лишь пятьсот лет назад правитель Таолу¹ чуть не стал всеобщим посмешищем, приняв за печать Жу Яньхэ грубую подделку.

Это было непочтительно по отношению к мертвому императору. Но Дин Гуанчжи, как и его учитель, желал помочь родной стране. Данцзе вот-вот падет под неуклонным натиском Цзиньяня, и тогда своенравные правители династии Тянь провозгласят возрождение Яшмовой Державы под своим знаменем. Сокол взвоет — в недостижимую высь.

Дин Гуанчжи перевел дыхание. Мысль о торжестве Цзиньяня придавала ему решительности. Лучше уж запятнать себя неблагоприятным поступком, но дать Данцзе шанс выстоять. Дин Гуанчжи сделал шаг к дышащему прохладой темному входу в усыпальницу.

Небольшой язычок бездымного огня заплясал на пальцах, набирая силу. Когда огонек окреп, Дин Гуанчжи зажег фитиль бронзовой лампы, принесенной с собой. Колеблющееся пламя разгоняло темноту едва ли больше, чем на десяток шагов, но Дин Гуанчжи надеялся, что этого будет достаточно.

Уходящий вглубь холма коридор казался бесконечным. В неверном свете лампы Дин Гуанчжи видел — сте-

¹ Таолу — в прошлом государство в Срединных Землях, вошедшее в состав Цзиньяня.

Когда погаснут все огни

ны облицованы каменными плитами. Сюда не проникали ни ветер, ни песок, и поэтому гладко отшлифованный темный мрамор чуть поблескивал светлыми прожилками, отражая свет.

Дин Гуанчжи прошел не меньше двух десятков шагов, когда заметил на стене коридора талисман, умиротворяющий духов. Рука того, кто вывел на нем письмена и символы, была хорошо знакома. Талисман создал учитель. Встретился ли он здесь с кем-то или же хотел загодя умиротворить дух Жу Яньхэ?

У стены, прямо под талисманом, блеснула потемневшим бронзовым боком курильница. Учитель не только прикрепил на стену талисман, но и возжег благовония. Молился ли он в тот миг об удаче или просил у Жу Яньхэ прощения за то, что нужна заставляет его нарушить покой забытой гробницы?

Дин Гуанчжи аккуратно стер тонкую пыль, успевшую покрыть курильницу, и зажег одну из благовонных пилюль, что всегда носил с собой. Дым тонкой сизовой струйкой пополз вверх. Запах старой туи¹ казался чужим в этом недобром запустелом месте. Дин Гуанчжи мысленно обратился к духу Жу Яньхэ, прося простить его за дерзкое вторжение и обещая заказать сотню поминальных служб в знак раскаяния за беспокойство.

За ним вновь наблюдали откуда-то из теней. Дин Гуанчжи чувствовал чье-то внимание — спокойное и холодное. Как присутствие затаившейся в траве змеи, которая с равной вероятностью может и укусить, и уползти прочь. Ни расположения, ни враждебности.

¹ Благовония на основе старой туи используются в Срединных Землях во время поминальных обрядов.